• *Судьбы*

ПАМЯТЬ В ГЛАЗАХ И ЛИЦАХ

Вместе со всей страной мы отмечали День памяти жертв политических репрессий. В районе сейчас проживают 202 реабилитированных человека и 10 пострадавших от политических репрессий.

В Мотыгино в центре гражданского образования, которым руководит В. П. Фридберг, работает «Школа пожилых», где проводятся консультации специалистов разных служб района.

Чтобы почтить печальную дату в нашей истории, в центре гражданского образования собрались люди, объединенные общей памятью и одним желанием – чтобы детям и внукам не довелось пережить того, что досталось на долю старшего поколения.

Каждый из присутствующих волею недоброй судьбы был заброшен в наш район в далекие годы первой половины прошлого века. У всех сохранились воспоминания о том страшном времени, и они очень схожи, потому что страдания и лишения не обошли ни одну семью ссыльных. Но человек ко всему привыкает, приспосабливается, чтобы сохранить жизнь своих родных. Несмотря на клеймо 58 статьи, люди жили, растили и учили детей, работали в тяжелейших условиях таежного Удерейского района.

Много воды утекло с тех пор, сейчас мы не услышим ни слова жалоб, упреков в сторону прошлого, только воспоминания, которые частью стерлись из памяти, а другие, наоборот, стали острее. Это их жизнь и наша отразилась в глазах и лицах репрессированных.

В первой половине прошлого века основное население Удерейского района составляли бывшие заключенные и пожизненно сосланные в южно-енисейскую тайгу.

У **Владимира Петровича Фридберга** отец погиб на Васильевской шахте. Он помнит тех, кто в то время проживал здесь - выдающиеся ученые, писатели, музыканты, инженеры. И среди них Т. В. Рянгель, В. В. Петров (начальник Ангарской экспедиции, который был осужден по 58 статье, отсидел в лагерях в Магадане, а затем пожизненно сослан в Удерейский район), А. В. Лесгафт, Р. В. Римский-Корсаков и многие другие. Среди заключенных были прибалты, татары, чуваши, удмурты, грузины, белорусы, греки, русские. И не было места национальной розни. Первые реабилитации начались в 1956 году, но многие граждане нашей страны до сих пор не реабилитированы.

Несколько лет семья Фридбергов жила на Кировском прииске, где был лагерь заключенных. Четыре года назад приезжал старший брат Владимира Петровича и предложил съездить в те места. В урочище Широкая Падь до сих пор остались следы лагеря. Развороченные, полугнилые бревна, оставшиеся от бараков, колючая проволока, упавшие сторожевые вышки автоматчиков. В лагере было около трех тысяч заключенных, из них более тысячи - женщины, его расформировали только в 1956 году. Отделения южно-енисейского лагеря были в Раздолинске, Партизанске, Решающем. Потом часть людей расконвоировали и приказом коменданта расселили по поселкам. Владимир Петрович родился в Партизанске, учился в Южно-Енисейской школе, школу окончил в Мотыгино. Потом многие задавали вопрос – для чего нужен был лагерь с таким количеством людей? Для того, чтобы работали драги. В то время не было электрического привода. Например, кировская драга в смену потребляла около 350 кубометров дров. Дрова были двухметровые, метровые. Заключенные пилили деревья пилами-лучками. В смену надо было напилить семь кубометров, сложить их в поленницу, чтобы получить пайку. Актированные дни - только в морозы при минус 44 градусах. Начальником лагеря был Иван Никанорович Кошелев, герой гражданской войны, награжден именным оружием Ворошилова. смертную казнь ему заменили на ссылку.

Первых заключенных везли рекой до Широкого Лога, потом по правому берегу Ангары. Вот тогда и начали строить Климовскую дорогу до Южно-Енисейска. Заместителем начальника лагеря после войны работал Иван Георгиевич Зыков, фронтовик. летал в войну на штурмовике, впоследствии учитель математики. Имел правительственные награды, очень скромный человек. Жил по соседству с Фридбергами.

Отец **Юлии Серафимовны Одинокиной,** бывший унтер-офицер белой армии, раненый в первую мировую войну, работал заместителем главного бухгалтера фабрики «Спартак» в Красноярске. Летом 1937 года уехал на курорт, и больше семья его не видела. Только через многие годы семья получила документ, в котором было написано, что «5 октября 1937 года признан виновным в создании террористической группы для свержения Советской власти. Приговор – расстрел, который приведен в исполнение 6 октября». С того времени и до сегодняшнего дня в памяти сохранился образ отца, который приходил с работы, занимался с детьми, читал стихи. Что такое сироты – не надо объяснять. Но две сестры получили высшее образование.

Январским днем 1952 года, после окончания института в Красноярске, Юлию отправили в Удерейский район. В Южно-Енисейск (райцентр) добиралась на машине вместе с ссыльными. Там и началась ее трудовая жизнь. В районной больнице ей посчастливилось работать с С. И. Гулиевым, хирургом, профессором Бакинского института. Он первым дал ей в руки скальпель и научил оперировать, стал учителем во всем. Его жена, Сара Мирзоевна, после ареста мужа приехала за ним из Баку с двумя детьми.

Терапевт Канделаки был замечательным врачом, он мог настолько внушить веру в выздоровление даже в беседе, что больной выздоравливал на глазах. И больные были благодарны ему. Врачи Багдасарьян, Сорокина тоже были ссыльными. Особенно тяжелой была судьба у хирурга Багдасарьяна. Сразу после окончания медицинского института его арестовали как участника «группы, которая готовилась убить Сталина». Приговорили к смертной казни, но начальник тюрьмы подал кассацию, и приговор молодому врачу заменили вечной каторгой. Но в течение этого месяца пришлось жить в ожидании казни.

Юлия Серафимовна ОДИНОКИНА.

В том же 1952 году Юлию Серафимовну перевели на работу в Раздолинск. Во главе поселка стоял полковник Антонов. В стройучастке работало более 800 человек, строили жилье, производство. Сухим бурением добывали сурьму, отсюда было много заболевших силикозом. Она помнит, как приходилась спускаться в шахту и вывозить погибшего мастера.

Для сведения. Если в 30-е годы в районе работало четыре врача. то в 1940 году было уже 14 врачей. В том же году родилось 1160 детей, в 1950 году – 1600 детей, а в 2006 году - 161 ребенок и умерло более 300 человек. От тридцати тысяч проживающих в районе жителей сейчас осталось 18 тысяч с небольшим. До 50-х годов на территории района было 11 колхозов, из крупных предприятий – золото-сурьмяный комбинат. Основное население (около девяти тысяч человек) проживало в Раздолинске, в котором в среднем рождалось каждый год до 400 детей. Со ссыльными в Раздолинске проживало до 18 тысяч человек.

Типовое здание больницы в Раздолинске выстроило МВД, врачей стало больше. Руководила коллективом главный врач Лаврова, очень строгая и требовательная к персоналу. В больнице работали хирург Манукян, врач-уролог Б. Н. Денисов, терапевт Соловьев, педиатр Габриэлян. Все, с кем довелось работать, научили молодую женщину, как нужно относиться к человеку, как уважать личность в каждом. Юлия Серафимовна, как она говорит, очень счастлива была в работе. И благодарна за то, что ее труды оценили, присвоив звание «Почетный гражданин района».

(Продолжение следует).

• *Судьбы*

ПАМЯТЬ В ГЛАЗАХ И ЛИЦАХ

Лидия Васильевна Матвеева (на снимке) рассказала о воспоминаниях своей матери Галины Ануфриевны Матвеевой, которая работала в РОНО.

Репрессировали их семью из Читинской области, с двумя детьми отправили на поселение. До сих пор причина репрессии не ясна. Собраться не дали, мать успела натянуть на себя два платьица, и когда дом подожгли, им пришлось выбираться через окна. Везли их через Красноярск, отца расстреляли еще в Чите. Жили в землянке в Денисово. Бедствовали, голодали, мерзли, как и все репрессированные. Затем переехали в Рыбное. Мать окончила четыре класса. В Мотыгино жили на улице Оборонной в тяжелейших условиях. В воспоминаниях остался случай, когда Лиде, еще малолетней девочке, пришлось выстрелить из ружья в вора, который лез через крышу в дом. Тогда часто бежали из мест заключения.

Но, тем не менее, сохранилось в памяти то, какую культуру принесли ссыльные в район, как дети разных национальностей обогащались знаниями друг от друга, как все дружили. Возможно, и это повлияло на тягу к знаниям и позволило закончить высшее учебное заведение. «Может быть, власть и осознала свою ошибку, но имущество нам не вернули (а был крепкий, большой дом, середняцкое хозяйство). Но обиды все забылись, жизнь взяла свое, и в памяти осталось только хорошее», - говорит Лидия Васильевна.

Отец **Августы Романовны Владимировой** - Роман Иванович - тоже известен в районе. В большой семье (восемь детей) на Украине в Винницкой области работали от зари до зари. Племянник донес на деда, что он прячет зерно, деда забрали и расстреляли. Бабушку с тремя сыновьями вывезли в Красноярск. Отец Августы Романовны, которому тогда было 19 лет, хорошо работал на сплаве, за это его отправили на курсы фельдшеров, а затем на работу в Удерейский район. Семью постоянно переводили из одного поселка в другой, больше трех лет в одном поселке не задерживались, хотя отец работал заведующим Кировской больницей. В то время, как помнит Августа Романовна, в больнице была прожарка, и часто все белье, одежду прожаривали. А теперь не хватает денег на элементарные средства.

Семья жила на Шааргане, в Машуковке, Партизанске, Рыбном, Никольске. В семье всегда присутствовал страх, отцу приходилось еженедельно отмечаться в комендатуре. Жестокость со стороны властей необъяснима. Все понимают, что в то время уничтожили самых умных, лучших людей России, обеднили нацию. Сейчас Россия по развитию живет на уровне 30-х годов прошлого века США. Вот что наделали репрессии, уничтожение крестьянства, священников. Развитие страны откинули на 70 лет назад.

В 90-х годах брат Августы Романовны стал заниматься поисками документов о погибшем деде. В объяснительной записке было написано: «Причина смерти – расстрел». Она считает, что репрессии – это позорная страница в истории страны. И с ней все согласились.

Свою историю рассказал **Иван Николаевич Стефаниди.** В деревне под Краснодаром, где жили греки, давно шли разговоры о выселении. Летом 1941 года всех посадили в товарные вагоны и повезли в Сибирь. Ивану было 12 лет. В пути было трудно с водой, на долгих остановках жарили на костерках блины. Под Красноярском высадили, поместили в сарай. Две недели «мариновали», потом заставили грузить баржи. В Удерейский района прибыли на пароходе «Товарищ». Высадили в конце сентября в Мотыгино, на машинах довезли до Раздолинска. Поместили в барак, там жили до 1943 года. Затем дядька забрал родню в Решающий, где Иван с братом устроились на работу. В 1946 году работали в колхозе, а рядом был расположен лагерь заключенных, которые на полях работали с ними по соседству. Пацаны пекли картошку, а «зекам» этого не разрешали. Тогда мальчишки остужали печеную картошку и кидали голодным мужикам, а те ели прямо с кожурой.

В 1947 году Иван ушел работать в геологию и почти всю жизнь отдал экспедиции. Рабочий стаж – 53 года, а пенсия небольшая, и это обиднее всего - уравняли с теми, у кого рабочего стажа нет.

Семью **Софьи Дмитриевны Зайцевой** выселили из деревни в Молдавии 12 июня 1941 года. В полночь дали 15 минут на сборы. Мать с детьми посадили в один товарный поезд, а отца – в другой. Война застала уже в дороге. Отца судила «тройка», дали восемь лет каторжных работ в Воркуте, где осужденные строили гати через болота, туда же складывали трупы. Многие умирали от того, что ели овес, а желудок разрывался, и люди гибли. Потом сослали отца на вечное поселение в Бельск, куда потом приехала и семья.

Мать с детьми увезли в Омскую область, где они работали в совхозе. В одном бараке из двух комнат поселили семь семей, а только в их семье было семеро, в других – по пять человек. Дети работали в совхозе за пайку. Норма была на каждого - посадить, например, картошки 15 соток за день. Не успевали поесть, а если отстанешь, то выбрасывали из звена. Надо было успеть картошину положить в землю, придавить ее ногой и присыпать рукой.

Попозже мать попросила разрешения, чтобы устроить отдельную землянку. Обложили ее дерном, внутри обмазали глиной, побелили, пол был земляной. После семи классов Софья попросила отправить ее на учебу в Омск, но комендант предупредил: «Еще попросишься - посадим в тюрьму».

Историю жизни **Везы Павловича Анонена** мы знаем хорошо. Он сам не раз рассказывал о ней на страницах нашей газеты. Его трудолюбие и стремление принести как можно больше полезного в воспитании учеников может стать примером для всех. Семьи финнов из Прибалтики в полной мере испытали на себе все лишения и тяготы доли ссыльных. Высадили их с трех пароходов с баржами в мае 1931 года в Рыбном. Потом жили в Южно-Енисейске, дружили с русскими ребятами, освоили русский язык. Все по-доброму относились друг к другу. без поддержки нельзя было выжить.

Отец Везы пас лошадей, мать работала поваром в интернате. В 1936 году отца перевели в Южно-Енисейск, там он стал заниматься сельским хозяйством. Тойво Ряннель был на три года старше Везы, они познакомились, стали дружить. Сейчас Тойво Васильевич Ряннель стал известным художником, пишет стихи и поддерживает связь со своим другом. Они встречаются, Тойво дарит свои художественные издания.

Семьи жили в избушках с маленькими окошками, трудности были, как у всех ссыльных. Но в то же время жизнь бурлила, развивалась художественная самодеятельность, ставили спектакли, стремились к самообразованию, познавали прекрасное и напитывались знаниями от тех творческих людей, что жили рядом.

Место ссылки для многих репрессированных стало второй родиной. Некоторые живут здесь до сих пор, вырастили детей, трудились, состарились и вышли на пенсию. Но память об этих горьких годах, об исковерканных судьбах навсегда останется с ними.

Наталья МОРОЗОВА.